

Ю. Б. Костякова

**ОТНОШЕНИЕ СИБИРСКИХ ОБЛАСТНИКОВ К РЕВОЛЮЦИЯМ 1917 г.
(НА МАТЕРИАЛАХ ЖУРНАЛА «СИБИРСКИЕ ЗАПИСКИ»)**

УДК 94 (571.1) "1917"

ББК 63.3 (253) 535

В статье показана эволюция взглядов представителей сибирского областничества на революционные события 1917 г. В качестве эмпирической базы исследования выбран журнал «Сибирские записки», который в 1916–1919 гг. активно пропагандировал идеологию и планы областников по улучшению ситуации в Сибири и условий жизни ее населения, по превращению России в федеративное государство. Анализу подвергнуты публицистические материалы, в которых нашли отражение мнения о революционных событиях лидеров и сторонников областничества. Аргументировано влияние политических и социальных факторов на отношение сибирской интеллигенции к власти. Исследованы мотивы и стимулы, побудившие представителей областничества принять активное участие в общественно-политической деятельности после Февральской революции. Выявлены основные причины неприятия ими Октябрьской революции. Представлено восприятие областниками народа как участника революционного движения. Особое внимание уделено тому, как они трактовали истоки и результаты революций 1917 г., объясняли причины раздробленности прогрессивных сил в межреволюционный период, свое понимание «сибирского патриотизма». Сделан вывод о сходстве взглядов авторов публикаций о революциях 1917 г.: явное единообразие в выражении их позиций обусловили особенности редакционной политики, влияние авторитета руководителя издания Вл. Крутовского, продолжительные личные контакты, совместная деятельность на благо Сибири и принятие основных идей областничества.

Ключевые слова: *Февральская революция, Октябрьская революция, интеллигенция, сибирское областничество, журнал «Сибирские записки»*

Ухудшение ситуации в России, вызванное Первой Мировой войной, политическим и экономическим кризисами, усилило ожидание реформ, породило так называемое «предчувствие революции». Эти настроения нашли свое отражение в публицистических статьях, опубликованных в предреволюционный и межреволюционный периоды 1917 г. Свообразными «аккумуляторами» мнений, суждений, прогнозов и планов по переустройству России и отдельных ее территорий выступали литературно-публицистические журналы, ориентированные прежде всего на интеллигенцию. Одним из таких изданий стал созданный в 1916 г. в Красноярске литературный, научный и политический журнал «Сибирские записки». Он имел ярко выраженное прогрессивное направление, всемерно поддерживал и пропагандировал идеи сибирских областников.

Областничество как общественно-политическое и культурно-просветительское движение сформировалось в 1860-е гг. В его историогра-

фии, становление которой началось еще в дореволюционный период (Г. П. Потанин, Н. Н. Козьмин, Вс. М. Крутовский, М. И. Альтшуллер и др.), а развитие — продолжилось в советский период (Н. А. Лапин, В. Г. Мирзоев, Н. Б. Шейнфельд, М. Г. Сесюнина и др.) и продолжается сегодня (М. В. Шиловский, Н. Н. Аблажей, А. В. Ремнев, Н. В. Жилякова, А. В. Головинов и др.), нашли отражение различные аспекты этого движения. Анализ работ позволяет констатировать, что, во-первых, объектом исследования чаще всего становятся личности основоположников областничества и его наиболее ярких персон (Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, А. П. Щапов, С. С. Шашков), но жизненный путь, политические воззрения и деятельность региональных лидеров остаются недостаточно освещенными. Во-вторых, основной акцент нередко делается на изучение раннего областничества (1860–1890-е гг.), поэтому процесс его трансформации в начале XX в. и, особенно, в межреволюционный период требует более глубокого осмысления. В-третьих, деятельность представителей различных региональных групп областников (а они действовали в Томске, Омске, Иркутске, Красноярске) в научных трудах часто рассматривается как составляющая

Костякова Юлия Борисовна — к.и.н., доцент кафедры стилистики русского языка и журналистики, Хакасский государственный университет (г. Абакан)
E-mail: uka29@yandex.ru

единого общественно-политического движения, при этом недостаточное освещение получили процессы, происходившие внутри этих групп. Эти явления находили отражение, в частности, в региональных периодических изданиях областнической направленности, таких, как «Сибирские записки».

Идеология областников формировалась под сильным влиянием «демократических идей российских “шестидесятников” народнического толка, истории западноевропейских колоний, политических и экономических теорий того времени».¹ Ее основу составляли требования лишения Сибири статуса колонии и уравнивания ее в правах с метрополией. Представители «позднего» областничества (конец XIX — начало XX вв.) не призывали к революции как кардинальному способу решения проблемы. «Борьба с центром» (по выражению Н. Н. Козьмина²) стала содержанием начального этапа движения, на котором необходимо было выяснить «приниженное положение провинции», доказать угнетение ее центром, пробудить у населения «стремление к местному самоуправлению», сплотить местную интеллигенцию как выразительницу «стремлений областной демократии» и начать организационную работу в массах.³

Областники предлагали решать насущные вопросы жизни Сибири поэтапно, выдвигая следующие задачи: введение земств, реформирование судебной системы, признание самобытности сибирских «иностранцев», развитие систем здравоохранения и образования, создание Сибирской областной думы и т. д.⁴ Однако их предложения и инициативы наталкивались на упорное сопротивление властей. В публичном дискурсе, в том числе и в журнальных статьях, данное явление нередко обозначалось выражением «имперский тупик». Наиболее показательным примером противодействия высшей бюрократии введению земских учреждений в Сибири стало то, что 12 мая 1912 г., Государственный Совет отверг уже прошедший через Государственную Думу проект о земском управлении сибирских тер-

риторий. Это событие и последовавшие за ним репрессии привели к тому, что в Сибири на слово «земство» было наложено вето и о «введении земских учреждений можно было говорить лишь при закрытых дверях с большой опаской».⁵ Данный факт позволил некоторым исследователям утверждать, что вследствие этих событий областники прекратили организованную деятельность вплоть до 1917 г.⁶

Однако выпуск в 1916 г. журнала «Сибирские записки» дает основания для того, чтобы опровергнуть это мнение. В журнале публиковались письма Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева, критические разборы их публикаций, анализировалась деятельность депутатов сибирской фракции в Государственной Думе, шло обсуждение вопроса о строительстве второго университета в Сибири и о его роли в воспитании местной интеллигенции. Отметим, что публикации областников составили 60 % (90 из 151) от общего числа всех публицистических, научно-популярных, библиографических статей и некрологов за 1916–1919 гг.

Регулярная просветительская работа и пропаганда областнических идей на страницах журнала, для чего привлекались авторы со всей Сибири, позволяли не только поддерживать тесную связь с единомышленниками из разных городов, но и вербовать новых сторонников, формировать общественное мнение. Такая совместная деятельность, на наш взгляд, может рассматриваться как организованная и целенаправленная. Главную роль в ней играли издатель-редактор «Сибирских записок» Вл. М. Крутовский⁷ (печатал свои работы под псевдонимом В. К.), перу которого принадлежит 34 публикации различного жанра, а также наиболее активные авторы журнала — Н. Н. Козьмин (21 статья), Г. Н. Потанин (7), Е. Е. Колосов (9), Вс. М. Крутовский (5), А. М. Гневушев (4).⁸

«Предчувствие революции» способствовало активизации сибирской интеллигенции. Несмотря на давление цензуры, авторы журнала

¹ Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 314.

² Козьмин Николай Николаевич (1872–1938 гг.) — общественный деятель, журналист (псевдонимы Ландарма, Номчи, Н. К.), активный участник областнического движения, историк, этнограф. Репрессирован, умер в тюрьме в 1938 г. (См.: Решетов А. М. Н. Н. Козьмин: основные направления научной деятельности // Репрессированные этнографы. 2-е изд. М., 2002. Вып. 1. С. 81–100).

³ См.: Козьмин Н. Областничество // Сиб. зап. 1917. № 6. С. 83.

⁴ См. об этом, напр.: Крутовский Вс. Из истории сибирского областничества // Сиб. зап. 1917. № 1. С. 55.

⁵ В. К. К вопросу о земстве в Сибири // Сиб. зап. 1916. № 2. С. 139.

⁶ См.: Сибирь в составе Российской империи. С. 330.

⁷ Крутовский Владимир Михайлович (1856–1938 гг.) — врач, публицист, общественный деятель. Лидер красноярской группы областников. Издатель-редактор журнала «Сибирские записки» (1916–1919 гг.). В 1917–1918 гг. — комиссар Временного правительства, министр внутренних дел Временного Сибирского правительства. Арестован в 1938 г., скончался в тюрьме (см.: Мешалкин П. Н. Патриарх красноярской интеллигенции // Одержимые: о деятелях культуры Красноярска на рубеже XIX–XX вв.: сб. очерков. Красноярск, 1998. С. 6–37).

⁸ Гневушев Андрей Михайлович (1882–1920 гг.) — историк, педагог, публицист. Скончался от тифа в 1920 г. (см.: Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1929. Т. 1. С. 666).

старались передать всеобщее ожидание скорых перемен. Так, в первом (январском) номере журнала за 1917 г. Вс. Крутовский⁹ сделал такой прогноз на ближайший год: «Мы находимся накануне эпохи величайших преобразований, на содержании и широте которых не может не отразиться современное нам соотношение сил в старом споре централистических и федералистических тенденций».¹⁰ Сам факт назревающих кардинальных перемен не вызывал у автора сомнений, но сложно было прогнозировать направление и масштабы этих преобразований, вероятность разрешения принципиального вопроса, способного определить дальнейшее развитие России: «Будет ли империя с населением в 180 миллионов, включающая в свой состав десятки богато одаренных народностей, по-прежнему управляться под исключительным нивелирующим воздействием центра, или “инородцы” и обособленные окраины получают более или менее обширные права на экономическое и культурное самоопределение».¹¹

Февральская революция вызвала всеобщую эйфорию, усилившуюся в прессе благодаря возможности без цензуры выражать свои мнения и эмоции. Авторы признавали, что «правильно оценить сейчас всю важность февральского переворота невозможно».¹² Но, тем не менее, они пытались дать оценку Февральской революции и ее последствий с позиций областничества: «Мы переживаем медовый месяц свободы, за которым последует необходимость нового строительства жизни на новых устоях, на началах самоопределения как национального, так и областного».¹³ Лейтмотивом же публикаций была надежда на то, что в России, вступающей в семью европейских народов «как равноправный и в культурном отношении сочлен», изменится положение и Сибири. Из «штрафной колонии», по мнению Вс. Крутовского, она превратится в свободную и равноправную часть Российской Федерации, сможет создать свою, Сибирскую, областную думу.¹⁴

⁹ Крутовский Всеволод Михайлович (1864–1945 гг.) — врач, общественный деятель, публицист, редактор газеты «Голос Сибири» (1905–1906 гг.). Организатор первого в Сибири опытного учреждения по плодоводству. В 1938 г. репрессирован, в 1940 г. выпущен из тюрьмы (см.: Симаков Н. С., Григорьев А. А. Крутовский Всеволод Михайлович // Енисейский энциклопедический словарь. Красноярск, 1998. С. 332).

¹⁰ Крутовский Вс. Из истории сибирского областничества. С. 52.

¹¹ Там же.

¹² Крутовский Вс. Сибирь и февральская революция // Сиб. зап. 1917. № 2. С. 145.

¹³ В. К. Областное обозрение // Сиб. зап. 1917. № 3. С. 141.

¹⁴ Крутовский Вс. Сибирь и февральская революция. С. 144–146.

Патриарх сибирского областничества Г. Н. Потанин, анализируя итоги состоявшегося в Томске первого заседания народного губернского собрания, смог в своей статье передать накал страстей при обсуждении будущего Сибири, представил аргументы сторонников и противников создания Сибирской областной думы. Последние, в число которых входили и социал-демократы, выступали за сохранение централизованной власти. В итоге реализации такого плана, как предполагал Г. Н. Потанин, «все законодательное творчество будет передано учреждениям центра. Не жизнь будет создавать формы, а кучка петроградских доктринеров». Областники же возлагали надежды на построение федеративного государства в России, в котором каждая область будет иметь свой парламент, министерства и бюджет. «Над всей этой федерацией будет стоять объединяющая Государственная Дума. Общегосударственные вопросы будут выделены из компетенции областных дум», — писал Г. Н. Потанин.¹⁵

Жизнеспособность областнических идей и их популярность в обществе доказывалась в «Сибирских записках» на конкретных примерах создания различных организаций на местах, которые, в частности, разрабатывали проекты программы будущего всесибирского съезда и его постановлений.¹⁶ Но журнал не ограничивался лишь пропагандой идеи областничества о федеративном устройстве страны. В публикациях издания можно обнаружить анализ причин противоречий и раздробленности прогрессивных сил, характерных для периода между двумя революциями. Так, Г. И. Жерनावков,¹⁷ на наш взгляд, совершенно справедливо указал, что тяготение представителей социалистических партий к централизованному построению власти является историческим наследием. Партийный централизм, вера в непогрешимость лидера были основными условиями выживания партии в течение долгих лет революционного подполья. Но этот принцип, сохраненный в качестве императива в постреволюционных программах социалистов, мешал пониманию преимуществ федерализма. Итогом этого, по мнению Г. И. Жерनावкова, являлось «сектантское

¹⁵ Потанин Г. Прекрасный финал // Сиб. зап. 1917. № 3. С. 154–156.

¹⁶ В. К. Областное обозрение // Сиб. зап. 1917. № 3. С. 147–152.

¹⁷ Жерनावков Григорий Иванович (1876–1937 гг.) — общественный деятель, журналист, соорганизатор областнической партии в Ново-Николаевске (1917 г.). В 1937 г. репрессирован, расстрелян (см.: Календарь знаменательных и памятных дат по Новосибирской области, 2016 год. Новосибирск, 2015. С. 8, 9).

дробление революционных сил», приводившая к расколу «нетерпимость между родственными по существу социалистическими партиями», ненависть к инакомыслию, «готовность во всякое время подвергнуть анафеме, поруганию и отлучению всякое групповое, партийное свободомыслие».¹⁸

Рассматриваемая статья дает представление о взглядах части областников, поддерживавших идеи либеральной демократии. Они полагали, что любые попытки форсировать социальную революцию, которые предпринимали «горячие головы», тщетны. Наиболее четко эту мысль выразил Г. И. Жерनावков, считавший, что «Россия не шагнет далее демократической республики современного европейского типа». Будущее страны как республики на «частно-владельческом капиталистическом фундаменте» является исторической необходимостью, «через которую нельзя вдруг прыгнуть в царство свободы».¹⁹

Добавим, что такая позиция соответствовала основной идее областников о построении гражданского общества на основе полноценного взаимодействия «между центром и провинцией, государством и народом». Результатом этого должно было стать создание «наиболее оптимальной модели федерализма, с учетом значимости вектора социального развития местного русского сообщества и сохранения поликультурности эндемичного разнообразия Сибири и ее населения».²⁰ Отметим, что данный процесс рассматривался как эволюционный, а не революционный, как инициатива «снизу», а не решение насущных вопросов «сверху».

Однако планы областников по переустройству России не учитывали новых реалий, прежде всего самостоятельности трудящихся, которым в этих планах нередко отводилась роль «пожинателя благих плодов демократии». Легкость, с которой устои царизма были свергнуты в Сибири, создала иллюзию того, что получить реальную власть может каждый имеющий желание и средства, в частности оружие. Дарованное Временным правительством право создавать местные органы власти породило в городах, деревнях и селах разнообразные Со-

веты, комитеты безопасности, республики или вооруженные «летучие отряды революции». Это в итоге привело к созданию на местах, по выражению Вл. Крутовского, «анархически-хулиганской атмосферы», в которой случаи самосуда, открытого грабежа, избиений граждан и убийств становились почти привычным явлением. Оно не вписывалось в концепцию областников о переустройстве общества и вызывало у них, судя по публикациям, непонимание и раздражение.

В связи с этим интерес представляет изменение отношения представителей сибирской интеллигенции к рабочим и крестьянам. Анализ статей в «Сибирских записках» и других произведений, опубликованных в 1916 — первой половине 1917 гг., позволяет сделать вывод о том, что под термином «народ» областники понимали все население Сибири безотносительно к национальным и социально-классовым признакам, при этом акцент делался на «родовой» признак народа — его угнетенное положение. Следовательно, изначально под «народом» областники, впрочем как и значительная часть интеллигенции, подразумевали ту часть населения, которая не имела доступа к власти, возможности свободного волеизъявления, реальных инструментов защиты своих прав и интересов. Поэтому, говоря, например, о том, что «власть во всей стране перешла теперь в руки народа, в руки местного населения должно перейти и управление своими местными делами»,²¹ они, как мы считаем, подразумевали реализацию прежде всего собственных притязаний на власть. Не случайно сразу после Февральской революции представители либерально настроенной интеллигенции приняли на себя роль идейных руководителей процесса реформирования страны, при этом «народу» они отводили роль исполнителя, надеясь, например, на то, что «пролетариат и трудовое крестьянство создадут надежный оплот против всяких попыток ограничить демократизацию государственного и социального строительства России».²²

Однако, столкнувшись в межреволюционный период с фактами немотивированной жестокости, нерационального и даже преступного использования властных полномочий представителями той части народа, которую чаще всего обозначали терминами «трудящиеся»

¹⁸ Жерनावков Г. Сибирская Областная федерация (Опыт схематического построения Сибирской федерации) // Сиб. зап. 1917. № 4/5. С. 131, 132.

¹⁹ Там же. С. 152.

²⁰ Головинов А. В. Ценности демократического федерализма в политической концепции сибирских областников // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. 2012. № 1 (8). С. 154.

²¹ Гневушев А. М. Волостное земство в Сибири. Красноярск, 1917. С. 1.

²² Крутовский Вс. Сибирь и февральская революция. С. 144.

«рабочие и крестьяне», авторы публикаций в журнале «Сибирские записки» пытались найти объяснение таким явлениям. Например, Вл. Крутовский считал, что долгие годы жизни под «страшным гнетом произвола, самодурства, беззакония и отрицания всякого уважения к личности и ее правам» стали причиной воспитания у этой части населения психологии «силы кулака и нагайки». Падение царского режима и наступление эры свобод не смогли искоренить «психологию ветхого человека старого режима». ²³ Следствием этого и стало сведение старых счетов, стремление компенсировать свою былую правовую и материальную ущербность за счет унижения «обидчиков» и всех, кто мог быть по каким-либо признакам отнесен к этой категории.

Сравнивая революцию со стихийным вихрем, который смел царизм и вырвал власть из рук дворянства, представители интеллигенции — лидеры общественно-политических организаций, союзов и партий — на публичных мероприятиях призывали закрепить власть за трудовым народом. Когда же это и произошло в результате Октябрьской революции, они в подавляющем большинстве не приняли такого поворота событий. Выражением их общего отношения к победе большевиков вполне могла стать фраза, сказанная одним из авторов «Сибирских записок»: «Наша революция со всеми ее бесценными завоеваниями ныне отвержена в грязь и кровь». ²⁴

Склонность к рефлексии, характерная для интеллигенции, и желание разобраться в причинах новой революции заставляли размышлять о происшедшем. Один из авторов «Сибирских записок» сравнил октябрьские события с химической реакцией, «крайне бурной и неожиданной», катализаторами которой стали две силы. Одну составили «новейшие интернационалисты» (меньшевики, большевик-ленинцы) — представители той части русской интеллигенции, которая никогда не жила «у себя дома действенной гражданской и политической жизнью», но вдруг почувствовала себя гражданами «пролетарских соединенных штатов Европы». «Им оказалось мало России и тесно в ней. Но переустройство мира они начали со своей Родины». Другой силой «химической реакции» стали народные массы, которые до революции пребывали «под тяжким гнетом

феодально-сословного строя, выродившегося в бюрократический деспотизм», и были воспитаны в духе эпохи крепостного права. Внезапное соединение этих двух противоположно направленных сил, одна из которых стремилась в далекое светлое будущее, а другая — задержалась «в столь же далеком прошлом», извращавшем «здоровое национальное чувство и гражданское сознание», создало парадокс под названием «октябрьский переворот». ²⁵

Анализ публикаций в «Сибирских записках» позволил выделить основные причины неприятия Октябрьской революции областниками.

Во-первых, ее внезапное свершение не вписывалось в их планы переустройства страны, предусматривавшие постепенный переход от деспотического (централизованного) к демократическому (федеративному) государству. Победа большевиков — ярых сторонников централизованной власти — означала крах надежд областников на решение наиболее острых вопросов сибирской жизни.

Во-вторых, невключенность в новые политические процессы тех, кто в межреволюционный период вел активную организационную работу, по сути, превратила их в сторонних наблюдателей, а иногда и врагов этой власти. «История, — как утверждал Г. И. Жерनावков, — не терпит насильственных резких поворотов под острыми углами: новые переменны, резко порывающие с укладом народной жизни, неизбежно вызывают оппозицию», ²⁶ которой и стала интеллигенция. Неприятие значительной ее частью Октябрьской революции превратило ее представителей в идейных и политических конкурентов большевиков.

В-третьих, как справедливо указывал С. И. Сергейчик, «защита интеллигенцией своей интеллектуальной собственности, общечеловеческой культуры (знаний и умения выполнять квалифицированную работу) была расценена властью как борьба за сохранение необоснованных привилегий, которую необходимо беспощадно подавлять». ²⁷ При этом использовались различные методы: аресты и обыски, реквизиция денег и материальных ценностей, уничтожение имущества. Но наиболее губительным, по нашему мнению, стало последовательное формирование в сознании населения образа интеллигенции как части ненавистной

²³ В. К. Областное обозрение // Сиб. зап. 1917. № 4/5. С. 111.

²⁴ М. Л. Б. Трагизм русской революции // Сиб. зап. 1918. № 1. С. 23.

²⁵ Там же. С. 24.

²⁶ Жерनावков Г. Указ. соч. С. 153.

²⁷ Сергейчик С. И. Российская интеллигенция: история и судьба. М., 2006. С. 28.

буржуазии. Все ее представители были включены в число «подлежащих к устранению из жизни буржуев», что повлекло за собой аресты и массовые грабежи, варварское уничтожение произведений искусства, библиотек и прочих «буржуазных затей», отказ от культурных навыков и ценностей,²⁸ в создание которых именно интеллигенция вложила так много сил. И эту агрессию, несущую реальную угрозу для жизни представителей данного социального слоя, тоже можно считать одной из причин их противодействия большевизму.

В-четвертых, стоит учитывать не только политическую, но и социальную чуждость непосредственных участников и активных сторонников социалистической революции для представителей сибирской интеллигенции. «Большевизм, — считал Вл. Крутовский, — это грязная накипь на поверхности огромного взбаламученного русского народного моря».²⁹ Большевистская власть ассоциировалась у него с беззаконием, сопровождавшимся открытым насилием.³⁰ Согласимся с мнением И. В. Побережникова о том, что человек имперской России пребывал «в рамках сословной парадигмы», что являлось «следствием длительного сохранения сословного порядка».³¹ Сибирская интеллигенция, основу которой составляли изначально представители разных сословий, все же ощущала свою «особость», принадлежность к формировавшейся в Сибири новой интеллектуальной страте. И именно это, как мы считаем, создавало социальные и психологические барьеры между нею и теми, кто активно подерживал идеи и деятельность большевиков.

В-пятых, основополагающим для областников был «сибирский патриотизм», который составлял идейную основу их стремления к таким общечеловеческим ценностям, как свобода и справедливость. Большевики же были символом несправедливости, отрицания гражданских свобод. Антипатриотизм их власти, по мнению областников, заключался не только в разграблении материальных ценностей и разрушении культурного наследия, необходимого для будущих поколений, но и в продвижении идеи бюрократизированного централизма. Это роднило большевиков со столь ненавистным

царизмом. Наиболее ярким примером проводимой ими политики послужил разгон Сибирской думы в январе 1918 г. и преследование лидеров областнического движения. В этих действиях усматривалось «подражание романовскому режиму и приемам», т. е. игнорирование общественных настроений, гонения и аресты неудобных, использование силы для подавления протестных выступлений.³²

В этой ситуации патриотом считался любой, кто решался противостоять большевизму. И именно в этом противодействии, как считали авторы «Сибирских записок», проявлялась любовь к родине, прежде всего к Сибири. Следовательно, любой, кто выступал за освобождение Сибири от «большевистского ига», считался и областником. С этих позиций утверждение Н. Н. Козьмина о том, что «областникам принадлежит почин в этой борьбе»,³³ не является, по нашему мнению, парадоксальным или ошибочным, поскольку автор имел в виду многочисленное сообщество представителей различных партий и слоев населения, объединенных общей целью и патриотической идеей. Эти же принципы внепартийности и широкой социальной представленности, по мнению Н. Н. Козьмина, должны были стать основополагающими при создании коалиционного Сибирского Временного правительства,³⁴ что рассматривалось областниками как закономерное событие, возвращение на тот путь демократического развития, который был выбран после Февральской революции.

Однако быстрые и кардинальные изменения политической обстановки, установление военной диктатуры, цензурные ограничения и разочарование части областников, отлученных от власти режимом Колчака, привели к тому, что революции 1917 г. из жизненной реальности и разграничителя этапов исторического процесса превратились для них в предмет осмысления. Анализ причин и последствий революционных событий, по нашему мнению, представлял собой попытку авторов «Сибирских записок» определить свою роль в новых общественно-политических процессах, адаптироваться к изменившимся социальным условиям и хотя бы частично реализовать областнические идеи.

Из материалов, опубликованных во второй половине 1918 — 1919 гг., анализ которых позволяет определить изменение отношения

²⁸ В. К. Областное обозрение // Сиб. зап. 1918. № 1. С. 58.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 55.

³¹ Побережников И. В. Акторы российской имперской модернизации: проблемы и перспективы исследования // Урал. ист. вестн. 2015. № 4 (49). С. 21.

³² См.: В. К. Областное обозрение // Сиб. зап. 1918. № 2/3. С. 95.

³³ Козьмин Н. Н. Краткая история переворота // Сиб. зап. 1918. № 2/3. С. 101.

³⁴ Там же. С. 109.

интеллигенции к революционным событиям, наибольший интерес представляет статья «Год спустя». Автор, скрывшийся под псевдонимом М. Л. Б-д, сравнил события 1917–1918 гг. с «реакцией живого организма на смертельную болезнь». Проявлением такой реакции на ненавистное самодержавие стала революция, а наступившая далее контрреволюция явилась ответом на «разгул демократии» периода большевизма.

Автор, на наш взгляд, точно определил причину политической категоричности большевиков. Создание буржуазной республики, по мнению публициста, являлось воплощением мечты и надежд представителей различных слоев населения, но прежде всего — третьего сословия (буржуазии). Поэтому создание такой республики заглушило бы всеобщий «революционный дух». Это не позволило бы большевикам привлечь на свою сторону широкие народные массы и реализовать собственную цель — построение социалистического государства. Но Временное правительство, как констатировал автор статьи, не смогло «материализовать идею о буржуазной республике, что и привело к Октябрьской революции и победе большевизма».³⁵

Лейтмотивом публикаций 1918–1919 гг. являлось утверждение о том, что главной причиной революции стало «центробежное движение», охватившее все части империи. Ослабевшее царское правительство не могло его подавлять с прежней жесткостью, поэтому империя, походившая на «паровой котел, в котором испорчен предохранительный клапан», взорвалась. Но «государственно-мудрая Сибирь», в отличие от других крупных регионов, ранее входивших в состав России (Польша, Финляндия, Кавказ), не последовала их примеру, продолжая идти «сознательной дорогой к давно намеченной цели», пытаясь уравновесить центробежные и центростремительные силы.³⁶ В Декларации, принятой 20 июня 1919 г. в Томске, подтверждалось, что сибирское областничество всегда было и остается враждебным по отношению к центробежным силам. «Оно внепартийно и объединяет всех, кто тесно связан с Сибирью и признает непрелюдным условием нормального развития единого и неделимого Российского государства начала децентрализации управления», — говорилось в этом программном документе.³⁷

Публичная декларация такой позиции, на наш взгляд, демонстрирует попытку областников дистанцироваться от Февральской революции и ее последствий, хотя это событие, ставшее катализатором процесса выхода ряда регионов из состава России, было в свое время принято ими восторженно. Смена власти и государственного строя, по их мнению, давала им возможность реализовать планы по переустройству бывшей империи в федеративное государство. Но деятельность областников в 1917 г., итогом которой должна была стать суверенизация Сибири, по нашему мнению, также являлась одним из проявлений активного «центробежного движения». Декларация в 1919 г. особой «миссией» сибирского областничества, стремившегося якобы уравновесить центробежные и центростремительные силы, была продиктована, как мы считаем, желанием сохранить авторитет и возможность дальнейшей деятельности в условиях нестабильной политической ситуации.

Однако возвращение к власти в Сибири большевиков привело к свертыванию областного движения. Журнал «Сибирские записки» был закрыт, некоторые его авторы подверглись репрессиям, другие эмигрировали или прекратили политическую деятельность. Его издатель-редактор Вл. Крутовский отошел от политики и сосредоточился на врачебной и преподавательской деятельности.

При выявлении отношения областников к революциям 1917 г. мы учитывали рекомендации М. В. Шиловского — не рассматривать областничество «как четко структурированное политическое движение и исходить из его надпартийного, надклассового статуса, опирающегося к тому же в политическом плане на слабую... дифференциацию сибирской интеллигенции».³⁸ Однако идейная сплоченность красноярских и ряда сибирских областников, их объединение благодаря усилиям Вл. Крутовского и наличию собственного печатного органа позволили им выражать на страницах «Сибирских записок» кооперированное мнение, избегая серьезных разногласий по различным вопросам.

Анализ статей рассматриваемой тематики, опубликованных в журнале в 1916–1919 гг., позволил констатировать относительное единство позиций авторов — представителей сибирского областничества, а также сходство их

³⁵ М. Л. Б-д. Год спустя // Сиб. зап. 1918. № 4. С. 70, 71.

³⁶ См.: Патушинский Б. Федералистическая сущность областничества // Сиб. зап. 1919. № 4/5. С. 24.

³⁷ Декларация сибиряков-областников // Сиб. зап. 1919. № 3.

³⁸ Шиловский М. В. Сибирские областники в 1917 г.: к историографии проблемы // Историческая наука на рубеже веков: материалы Всерос. конф., посвящ. 120-летию Томского гос. ун-та. Томск, 1999. Т. 2. С. 88.

оценки революций 1917 г. Проведенное исследование дало возможность определить, что на изменение их мнений о революционных событиях, о народе и власти (царской, буржуазно-демократической, большевистской, колчаковской) влияли в первую очередь политический и социальный факторы, а именно: отношение власти к интеллигенции в целом, к областни-

честву и его основополагающим идеям; социальное (сословное) родство с представителями данной власти; возможность участия в деятельности органов власти и т. д. Изменение этих факторов приводило к трансформации взглядов областников на революции, к корректировке их оценок причин и следствий революционных событий 1917 г.

Julia B. Kostyakova

Candidate of Historical Sciences, Khakass State University (Russia, Abakan)

E-mail: uka29@yandex.ru

THE ATTITUDE OF THE SIBERIAN REGIONALISTS TO THE REVOLUTIONS
OF 1917 (ON THE MATERIALS OF THE JOURNAL "SIBERIAN NOTES")

The article shows the evolution of opinions of the representatives of the Siberian regionalism about the revolutionary events of 1917. The empirical material of the research is taken from the journal "Siberian Notes", which in the considered period actively popularized the regionalists' ideology and aspirations aimed at improving the situation in Siberia and life conditions of Siberian people as well as making Russia a federative state. The analysis is focused upon feature materials published by the journal in 1916–1919; these materials contain opinions of the regionalism leaders and supporters about the revolutionary events. The author gives arguments for the impact of political and social factors on the Siberian intellectuals' attitude to the authorities. The author also investigates motives and stimuli that made regionalism representatives take an active part in the social and political life after the February revolution. The article gives basic reasons for their disdain for the October revolution and shows that regionalists took the people as a member of the revolutionary movement. A special attention is paid to the way the regionalists explained the origins and the results of the revolutions of 1917, proved the advantages of federative principle to govern Russia and rendered the circumstances of progressive forces factionalism in the cross-revolutionary period, their vision of "Siberian loyalty". The author concludes about sameness of views of the authors who published their articles about the revolutions of 1917 in the journal "Siberian Notes". Such an evident unanimity of opinions to show the position was determined by the peculiarities of the editorial policy, the authority impact of the chief editor — V. Krutovskoi, stable personal relations, cooperation in the interests of Siberia and acceptance of the regionalism basic ideas.

Keywords: *the February Revolution, the October Revolution, the intelligentsia, the movement regionalists, journal "Siberian Notes"*

REFERENCES

- Golovinov A. V. [The values of democratic federalism in the political concept of Siberian regionalists]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Politologiya. Religiovedenie*. [The Bulletin of Irkutsk State University. Series "Political Science and Religion Studies"], 2012, no. 1 (8), pp. 152–158. (in Russ.).
- Meshalkin P. N. [Patriarch of the Krasnoyarsk intelligentsia]. *Oderzhimye: o deyatel'nykh kul'tury Krasnoyarska na rubezhe XIX–XX vv.: sbornik ocherkov* [Obsessed: about the artists of Krasnoyarsk at the turn of the 19–20 centuries: a collection of essays]. Krasnoyarsk: Tsentr po okhrane i ispol'zovaniyu pamyatnikov istorii i kul'tury Publ., 1998, pp. 6–37. (in Russ.).
- Poberezhnikov I. V. [Russian modernization actors: problems and perspectives]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2015, no. 4 (49), pp. 16–25. (in Russ.).
- Reshetov A. M. [N. N. Kozmin: main directions of scientific activity]. *Repressirovannye etnografy* [Repressed ethnographers]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2002, iss. 1, pp. 81–100. (in Russ.).
- Sergeychik S. I. *Rossiyskaya intelligentsiya: istoriya i sudba* [Russian intelligentsia: history and destiny]. Moscow: Lokid-Press Publ., 2006, 111 p. (in Russ.).
- Shilovskiy M. V. [Siberian explorers in 1917: to the historiography of the problem]. *Istoricheskaya nauka na rubezhe vekov: Materialy Vserossiyskoy konferentsii, posvyashchennoy 120-letiyu TomGU* [Historical Science at the turn of the century: Materials of the All-Russian Conf., dedicated to the 120th Anniversary of Tomsk State University]. Tomsk: TomGU Publ., 1999, vol. 2, pp. 88–99. (in Russ.).
- Simakov N. S., Grigorev A. A. [Krutovsky Vsevolod Mikhailovich]. *Eniseyskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Yenisei Encyclopedic Dictionary]. Krasnoyarsk: Russkaya entsiklopediya Publ., 1998, p. 332. (in Russ.).